

ребенком возраста 18 лет; кратковременное освобождение родителей от ухода за ребенком, в том числе за ребенком-инвалидом – не более 10 часов в неделю в пределах норм времени, установленных на оказание услуги няни [1].

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 19.01.2012 № 41 «О государственной адресной социальной помощи» государственная адресная социальная помощь предоставляется в виде ежемесячного и (или) единовременного социальных пособий; обеспечения продуктами питания детей первых двух лет жизни.

Таким образом, в Республике Беларусь сформирована комплексная, но не лишенная недостатков система трудовых и социальных гарантий для женщин, воспитывающих детей-инвалидов. Законодательство предоставляет им значительные преференции в сфере труда, направленные на защиту от увольнения и обеспечение гибкого графика работы, а также устанавливает ряд денежных выплат и льгот. Однако для повышения эффективности этой системы необходим переход от пассивной поддержки (выплаты пособий) к активной политике, направленной на создание условий для совмещения материнских обязанностей с профессиональной самореализацией. Это, в свою очередь, будет способствовать не только улучшению материального положения семей, но и их социальной интеграции, снижению уровня стресса и повышению качества жизни, что полностью соответствует принципам социального государства, закрепленным в Конституции Республики Беларусь. В качестве мер по совершенствованию законодательства можно предложить стимулирование создания специализированных рабочих мест и продвижение практики дистанционной занятости для данной категории женщин и усиление информационной поддержки и правового просвещения матерей относительно их прав и гарантий.

Список использованной литературы

1. Льготы и гарантии семьям, воспитывающим детей-инвалидов. – URL: <https://tsonmr.by/lgoty-i-garantii-semyam-vozpityvayushhim-detej-invalidov/> (дата обращения: 13.11.2025).
2. Льготы семьям, воспитывающих детей-инвалидов. – URL: <https://ilex.by/news/lgoty-semyam-vozpityvayushhim-rebenka-invalida/> (дата обращения: 13.11.2025).
3. Правовые гарантии и льготы семьям, воспитывающие детей-инвалидов. – URL: <http://moscko.minsk.edu.by/ru/main.aspx?guid=23981> (дата обращения: 13.11.2025).
4. Семьи, воспитывающие ребенка-инвалида: социально-трудовые гарантии. – URL: <https://smorgon.gov.by/uploads/files/sem-di.pdf> (дата обращения: 13.11.2025).

УДК 341.645.5

А.В. Савинцева

(студент Белорусского государственного экономического университета)

ЮРИСДИКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

*В работе анализируется юрисдикция Международного Суда ООН. Исследуются проблемы реализации юрисдикции через призму оговорок государств, специального соглашения сторон, заявления о признании юрисдикции и концепции *forum prorogatum*. Обосновывается, что его эффективность достигается*

синергетическим взаимодействием всех оснований юрисдикции при системном толковании соответствующих правовых норм и соблюдении баланса между суверенитетом государств и интересами международного правопорядка.

Юрисдикция Международного Суда ООН (далее – Суд) представляет собой сложный элемент современной практики разрешения межгосударственных споров. Ее осуществление, напрямую зависящее от согласия сторон, формирует особую процессуальную модель, отличающуюся от деятельности национальных судов, порождает ряд теоретических и практических проблем, служащих предметом острых дискуссий.

Ключом к пониманию уникальности Суда является его двойственная природа: он выступает как единственная международная судебная инстанция универсального характера, обладающая общей юрисдикцией, которая проявляется в двух основных формах: разрешении споров между государствами и вынесении консультативных заключений [1, с. 14]. Именно для разграничения этих аспектов принято различать широкое и узкое понимание юрисдикции.

В широком смысле под юрисдикцией понимается вся компетенция Суда, закрепленная в его Статуте – это его так называемое «юрисдикционное поле». Сюда входит право разрешать споры между государствами, а также выносить консультативные заключения для международных организаций. Фактически, признавая эту широкую компетенцию, государство соглашается с самим существованием Суда как института. Однако этого недостаточно для рассмотрения конкретного дела. Здесь вступает в силу узкое понимание юрисдикции – как право Суда рассматривать и выносить решение по конкретному спору. Эта юрисдикция требует от государств специального выражения согласия. Основными формами такого согласия являются специальное соглашение сторон о передаче спора в Суд, юрисдикционные оговорки в международных договорах и заявления о признании обязательной юрисдикции Суда в соответствии со ст. 36 его Статута [2, с. 72].

Для того чтобы это узкое понимание юрисдикции было реализовано, необходимо, чтобы оно соответствовало широкой компетенции Суда. Именно поэтому юрисдикция как в широком, так и в узком смысле включает в себя три аспекта: предметный, субъективный и временной. Суд вправе рассматривать какое-либо дело лишь при совпадении юрисдикции в узком и широком смысле по всем трем соответствующим аспектам. Таким образом, логично согласиться с позицией А.В. Величковского, который выделяет три обязательных условия, от которых зависит наличие у Суда права на рассмотрение конкретного дела:

1) спор по своему предмету должен относиться к категориям дел, которые Суд имеет право рассматривать в соответствии со своим учредительным актом и документами, на основании которых спор был ему передан;

2) стороны спора должны относиться к кругу субъектов, споры которых Суд уполномочен рассматривать в соответствии с вышеназванным актом и документами;

3) момент возникновения спора или фактов, на которых он основывается, должен относиться к периоду, в отношении которого распространяется

временная юрисдикция Суда, закрепленная в вышеназванных документах [3, с. 5].

Следовательно, теоретическая модель юрисдикции Суда, будучи строго формализованной и требующей совпадения по трем ключевым аспектам, на деле является не столько автоматическим механизмом, сколько инструментом, чье применение всецело зависит от суверенной воли государств. Этот разрыв между теорией и практикой становится особенно очевидным при анализе статистики участия государств в системе обязательной юрисдикции.

Универсальный характер Суда подтверждается тем фактом, что по состоянию на 31 июля 2025 г. 193 государства являлись участниками его Статута в силу членства в Организации Объединенных Наций. Однако количественная всеобщность не означает автоматического принятия юрисдикции Суда по конкретным спорам. Только 74 государства сделали заявления о признании юрисдикции Суда обязательной, причем многие – с оговорками [1, с. 14]. Эта статистика наглядно демонстрирует осторожный подход государств к передаче полномочий по разрешению споров международному органу.

Так, проблемные аспекты юрисдикции Суда ООН проявляются уже на стадии установления факта наличия согласия. Одной из ключевых проблем является практика государств по формулированию многочисленных оговорок к своим заявлениям о признании юрисдикции. Часто государства исключают из юрисдикции Суда споры, относящиеся к их национальной безопасности, территориальной целостности. Это существенно сужает потенциальную сферу деятельности Суда. Кроме того, Суд сталкивается с проблемой определения точных пределов своей юрисдикции, когда согласие государства вытекает из сложного переплетения различных источников.

К одному из способов признания юрисдикции Суда, подразумеваемому в п. 1 ст. 36 Статута, относятся случаи, когда одно из спорящих государств обращается в Суд без указания оснований для его юрисдикции, а государство-ответчик уже после возбуждения дела (*post hoc*) выражает свое согласие на производство по делу. Это может быть и согласие, вытекающее из поведения государства-ответчика. Если оно в своем меморандуме на поданное заявление не выдвигает предварительных возражений против юрисдикции Суда, то его согласие будет считаться подразумеваемым, даже если заявление первого государства не содержит указания на какое-либо основание для юрисдикции. Такой способ признания называют *forum prorogatum* [4, с. 27]. Однако данная концепция, предоставляя гибкость, одновременно порождает значительную правовую неопределенность, поскольку согласие конструируется из молчания или процессуальных действий, что может оспариваться.

Современная практика показывает разнообразие форм признания юрисдикции, что еще более усложняет эту задачу. Ярким примером служат декларации Государства Палестина от 4 июля 2018 г. и 31 мая 2024 г., которые демонстрируют избирательный подход к признанию компетенции Суда лишь в отношении конкретных международных конвенций. В декларациях государство с даты подачи уведомления признавало компетенцию Суда применительно к разрешению всех споров, которые могут возникнуть или уже возникли и которые

подпадают под действие ст. I Факультативного протокола об обязательном разрешении споров к Венской конвенции о дипломатических сношениях (1961), а также ст. IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948). Помимо этого, более 300 двусторонних и многосторонних договоров содержат юрисдикционные оговорки, предоставляя Суду право рассматривать соответствующие категории межгосударственных споров [1, с. 14].

Строгий подход Суда к интерпретации данных форм согласия хорошо иллюстрируется его недавней прецедентной практикой. В деле «О некоторых иранских активах (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)» 2023 г. Суд подтвердил, что юрисдикционная оговорка в Договоре о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 г. (далее – Договор) не предоставляет ему правомочий для рассмотрения части требований Ирана, касающихся вопросов государственного иммунитета. Суд установил, что эти требования не вытекают непосредственно из «толкования или применения» конкретных статей Договора, и, проявив строгость, ограничил свою компетенцию, признав отсутствие юрисдикции в отношении данной части спора [5].

В системном единстве с юрисдикцией по спорным делам находится консультативная функция Международного Суда. Указанная функция имеет иную правовую природу: Суд выступает не в роли арбитра, разрешающего межгосударственный спор, а как высший орган судебного толкования права для уполномоченных международных институтов.

Круг субъектов, наделенных правом на обращение с консультативным запросом, является иерархически дифференцированным. В соответствии с п. 1 ст. 96 Устава ООН, Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности вправе запрашивать заключения «по любому юридическому вопросу». Другие органы ООН и специализированные учреждения, такие как Экономический и Социальный Совет, Международная организация труда, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Международная организация гражданской авиации, Всемирная организация здравоохранения, Международное агентство по атомной энергии и др. могут делать это исключительно «по юридическим вопросам, возникающим в пределах их сферы деятельности» [6, с. 58]. Данное разграничение устанавливает предметные пределы консультативной компетенции Суда применительно к запросам вспомогательных органов.

Процедурный регламент консультативного производства характеризуется рядом существенных особенностей. В частности, Судом не принимаются заключения третьих сторон, что подчеркивает несостязательный характер данного процесса. Ключевым юридическим свойством консультативного заключения является его необязательный характер: само по себе оно не обладает обязательной силой для запрашивающего органа. Однако в доктрине и практике утвердилось понимание его авторитетного характера и глубокого нормативно-формирующего воздействия. В исключительных ситуациях, как это было в отношении Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946

г., обязательная сила заключения может быть специально зафиксирована в международном договоре.

В качестве обобщающего тезиса можно констатировать следующее. Созданная Уставом ООН система юрисдикции Международного Суда демонстрирует свою эффективность лишь при интегрированном применении всех юридических оснований, предусмотренных ст. 36 Статута Суда. Каждому из механизмов признания юрисдикции, будь то специальное соглашение, договорная оговорка, заявление об обязательной юрисдикции или подразумеваемое согласие (*forum prorogatum*), присуща своя функциональная роль в целостной системе международного правопорядка.

Ключевое значение приобретает системное толкование, применяемое Судом при установлении юрисдикции, которое обеспечивает непротиворечивое взаимодействие различных форм признания юрисдикции. Такой подход находит подтверждение в современной практике, где универсальные заявления о признании юрисдикции и специальные декларации, подобные поданным Государством Палестина, сосуществуют и дополняют друг друга.

Таким образом, эффективность юрисдикции Суда обеспечивается не преимуществом какого-либо отдельного механизма, а их синергией в рамках единой системы, основанной на фундаментальных принципах международного права и последовательной реализации согласованной воли государств.

Список использованной литературы

1. Доклад Международного Суда ООН 1 августа 2024 г. – 31 июля 2025 г. : официальные отчеты 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Дополнение №4 (A/80/4). – Нью-Йорк : ООН, 2025. – 67 с. – URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/2025-10/2024-2025-gu.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

2. Статут Арганізацыі Аб'яднаных Нацый і Статут Міжнароднага Суда : да 75-годдзя з дня падпісання Статута ААН, 26 чэрв. 1945 г., г. Сан-Францыска, ЗША. – Мінск : Рыфтур Прынт, 2020. – 79 с.

3. Величковский, А. В. Проблемные аспекты понятия «юрисдикция международного суда ООН» / А. В. Величковский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. – С. 3–9.

4. Практическое руководство по процедурам признания юрисдикции Международного Суда. – Берн : Федеральный Департамент иностранных дел Швейцарии, 2014. – 31 с. – URL: https://www.eda.admin.ch/handbook-jurisdiction-international-court_ru (дата обращения: 02.11.2025).

5. Польшакова, В. В. Комментарий к решению Международного Суда от 30 марта 2023 года по делу «Некоторые иранские активы» (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки) / В. В. Польшакова // HSE University Journal of International Law. – 2023. – Т. 1. – № 3. – URL: <https://doi.org/10.17323/jil.2023.18752> (дата обращения: 02.11.2025).

6. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда / ООН, Департамент обществ. информ. – Нью-Йорк : ООН, 1998. – 104 с.